

ИСТОРИЯ НАРОДОВ

И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ЖАН-ПОЛЬ РУ

ИСТОРИЯ ИРАНА И ИРАНЦЕВ

ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

18+

История народов и цивилизаций

Жан-Поль Ру

**История Ирана и иранцев.
От истоков до наших дней**

«Издательство АСТ»

2006

УДК 94(55)
ББК 63.3(5Ирн)

Ру Ж.

История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней / Ж. Ру —
«Издательство АСТ», 2006 — (История народов и цивилизаций)

ISBN 978-5-17-181210-2

Иран – страна, где тысячелетняя история ощущается почти на каждом шагу. От империи Ахеменидов до исламской революции XX века – известный французский историк и востоковед Жан-Поль Ру прослеживает путь Ирана через эпохи расцвета, войн, завоеваний и культурных открытий. «История Ирана и иранцев» – не просто хроника событий, а живое и увлекательное повествование, в котором политическая история переплетается с религией, искусством и повседневной жизнью. Это книга о цивилизации с удивительно богатым прошлым и о том, как это прошлое продолжает определять Иран и современный Восток.

УДК 94(55)
ББК 63.3(5Ирн)

ISBN 978-5-17-181210-2

© Ру Ж., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

Вступление	6
Глава I. Иранцы и Иран	10
Раса?	12
Психология?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Жан-Поль Ру
История Ирана и иранцев.
От истоков до наших дней

HISTOIRE DE L'IRAN ET DES IRANIENS: DES ORIGINES A NOS JOURS

by Jean-Paul Roux

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2006

© Некрасов М. Ю., перевод с франц., 2011

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

*Моему верному другу Анри Маршалю в память о многом, особенно
о часах, проведенных вместе в Иране и Афганистане, и, конечно, о тех,
когда он довез меня, больного, из Тебриза в Тегеран...*

Вступление

Читатель вправе задаться вопросом, почему человек, всю жизнь в науке посвятивший истории тюрков и монголов, сравнительной истории религий и исламскому искусству – а эти темы открывают обширные и, что очевидно, вполне разнообразные возможности для исследования, – на склоне лет пишет книгу об Иране.

Казалось бы, не мое это дело, это дело иранистов. Но ведь у нас такой метод работы, что почти каждый ученый посвящает себя строго определенному географическому пространству или исторической эпохе и часто не желает выходить за их пределы. Изучение Ахеменидов не способствует знакомству с Сефевидами или Каджарами, изучение маздеизма не делает тебя исламоведом. А когда перед иранистом оказываются греки, арабы или тюрко-монголы, он может и оробеть. При нежелании выйти за узкие пределы своей специализации никакого обзора не получится. Чтобы бодро, не скажу – бестревожно, пройти два с половиной тысячелетия и огромные пространства от Инда до Евфрата и от Сырдарьи до Персидского залива, нужно быть странником по образованию и, рискну сказать, по темпераменту. Оказывается, такой странник – это я: и по натуре, и потому, что к этому побуждает моя программа исследований. Такая задача, как изучение доисламской и добуддийской религии тюрков и монголов и ее пережитков, записанная в моей программе сотрудника Национального центра научных исследований (НЦНИ) Франции, вынудила меня заняться историей обоих народов не только в древние эпохи, но и во все времена вплоть до наших дней в поисках периодов, в которых сохранялось что-либо большее, чем основы древних представлений; она потребовала от меня знакомства с разными конфессиями, когда-либо воспринятыми этими народами, чтобы я мог понять, что они взяли из этих конфессий и что сохранили, несмотря на переход в другую веру. Оказалось, исламское искусство, которое волею судеб я несколько десятков лет изучал в Высшей школе Лувра, изобилует документами, непосредственно относящимися к моей теме, потому что некоторые его произведения как минимум отчасти связаны с искусством степей и отражают верования народов, которые там жили и которыми занимаюсь я.

В ходе этого поиска весьма разнообразных документов я очень часто соприкасался с Ираном, а он достаточно притягателен, чтобы я не испытал желания обнаружить его снова. Такова эпоха, когда его народы, индоевропейцы, еще жили в степях, куда вторгались и еще долго будут вторгаться алтайцы, то есть тюрки и монголы, когда иранские народы вели такой же кочевой образ жизни и когда одни и те же условия существования вызывали одну и ту же реакцию, наделяя все эти народы сходным культурным субстратом, от которого кое-что еще сохранилось. Деяния скифов – это и деяния гуннов, и некоторые из них пережили века: когда Жорж Дюмезиль нашел у осетин Кавказа скифские традиции, я отметил в этих традициях тюркские черты. Я обнаруживал Иран, когда речь заходила об иранском языке, вернее одной из его форм (поскольку этот язык не был единым ни во времени, ни в пространстве), который был в VI в. языком общения первых исторических тюрков Монголии, тугу, в XII–XIII вв. использовался сельджуками, в XV в. – Тимуридами, а позже служил для управления и для распространения культуры другим тюркам, а также индийцам. Я обнаруживал Иран в Библии и в своей христианской религии, которая столь многим ему обязана, поскольку божественное Откровение, после Ветхого Завета, происходило прежде всего через посредство маздеизма. Я вступал в Иран с сельджуками, ильханами, туркменами, Тимуридами, когда они его захватывали, и оставался там, чтобы общаться с тюркоязычным или монголоязычным населением иранских территорий. Я посещал Иран, чтобы полюбоваться его искусством, которое, как я уже сказал, иногда, особенно в иконографии, отражает доисламские представления, пришедшие из степей или унаследованные у великих восточных цивилизаций, а также сыграло важнейшую роль в

формировании и развитии искусства других стран ислама. Я изучал не Иран, но соприкасался с ним на каждом шагу.

Поэтому я возвращаюсь туда, в некотором роде как паломник, – прежде всего, должен признать, ради самого себя, потому что всякий раз, когда я писал книгу или статью, которую называли «новаторской» и которая, надеюсь, была не поверхностной популяризацией, я это делал, чтобы зафиксировать собственные мысли, лучше понять что-то, дать себе отчет, достаточно ли связаны мои представления и выдерживают ли они перенесение на бумагу; я возвращаюсь туда и ради читателей – о них я думаю постоянно, когда пишу, и только они способны дать мне понять, ясно ли я понял нечто, ведь «кто ясно мыслит, ясно излагает», как сказал Буало; я бы хотел иметь обширную аудиторию – не из авторского тщеславия, но потому, что тема, которую я разрабатываю, достойна внимания.

История Ирана тесно связана со всемирной историей. Знать ее необходимо любому историку, любому образованному человеку, где бы ни лежала сфера его интересов. Кто мог бы читать и понимать Библию, не зная о Вавилонском пленении и об освободительном указе Кира, «помазанника Яхве», по словам Второ-Исаии? Как можно изучать Грецию, игнорируя персидские войны, Геродота, рожденного иранским подданным, Александра и его завоевание мира? Кого мог бы оставить равнодушным приход магов¹, иранских царей-жрецов, к колыбели Христа? Кто посмел бы забыть, какое значение для Римской империи имела долгая борьба с парфянами и Сасанидами, которая вынуждала Рим перебрасывать легионы, ослабляя охрану границ на Рейне? Как бы мы воспринимали индийцев, если бы не знали, что индийский ислам, как минимум отчасти, возник под влиянием иранского? А разве куртуазная любовь нашего прекрасного Средневековья зародилась не в стране катаров, до которой докатился последний отзвук того, что происходило в долинах Месопотамии? Подобные вопросы можно множить до бесконечности.

Наука об Иране не заняла место, какое бы ей полагалось, и иранский мир мы знаем очень поверхностно. Как будто на него накинута большое покрывало, сквозь которое просвечивают лишь отдельные огни: Сузы, Персеполь, Самарканд, Герат, Исфахан, Шираз, миниатюры, стихи... Все эти светочи должны были бы сверкать, им бы полагалось быть такими же яркими, как несравненная синева иранского неба, как его обширные пустыни из золотого песка, его обнаженные горы, его теология света, своды его храмов, облицованные лазурными изразцами, его исфаханские розы, его поэты с их «неподражаемой простотой», по выражению моего друга Шарля-Анри де Фушекура. Иран по-прежнему затянут дымкой. Для нас он теряется между средиземноморским и ближневосточным мирами, в разнородном скоплении исламских стран, хоть и там проявляет свою сильную индивидуальность.

Так было не всегда. Когда-то Иран чрезвычайно интересовал французов. Так было, когда Монтескье задал свой знаменитый вопрос «Как можно быть персом?», когда дядя Жан-Жак Руссо поехал умирать в Исфахан, а наш философ хотел выглядеть персом, одевшись армянином, когда Жан-Батист Тавернье (1605–1689) и Жан Шарден (1643–1713) позже рассказывали о своих путешествиях, когда, изумляясь сам, изумлял нас Пьер Лоти и когда в том же XIX в. Эдвард Фитцджеральд открывал для нас стихи Омара Хайяма. Иран с давних пор проник в самые глубины нашей души, еще когда персидские ковры, одно из самых характерных его творений, лишали исключительного положения турецкие ковры, став важнейшим элементом нашего интерьера.

По стратегическому положению территория Ирана была транзитным путем, что неизбежно превращало страну в посредника, если не принимать во внимание морской путь между Индией и Китаем с одной стороны, Ближним Востоком и Европой – с другой. Что только не прошло через Иран за тысячелетия! По этим землям, распространяясь на восток, продвигался

¹ В русской традиции – волхвов (прим. пер.).

буддизм, как и платоновская философия, вскормившая Фараби и Авиценну, как и греческое искусство, ставшее греко-буддийским. Иран долго сохранял почти исключительные права на торговлю шелком; в Самарканде он длительное время сохранял монополию на производство бумаги, секрет которой похитили в Китае; он позаимствовал у индийцев и передал нам цифры, которые мы называем арабскими.

Собственные творения иранцев, удивительно мощные, прославились до самых пределов мира. Иран, если привести лишь один небольшой пример, создал образ владыки, сидящего на престоле, предвосхитив изображения Христа, украшающие тимпаны наших церквей. Иранская религиозная мысль, выраженная сначала в маздеизме, а потом в манихействе, привлекла к себе внимание в Китае и, в частности, в Европе, богомилов, альбигойцев или катаров. Святой Августин был манихеем, прежде чем стать христианином.

Иранцы вместе с греками, китайцами, индийцами и немногими другими народами – такими, как армянский, столь дорожающий своей историей, – относятся к древнейшим народам мира. Им около трех тысячелетий. Две с половиной тысячи лет иранцы заставляли говорить о себе. Несомненно, это чудо, потому что на них очень часто нападали, их земли занимали, завоевывали и подчиняли, иногда на века, другие народы, и не самые ничтожные, – греки, арабы, турки, монголы. Всякий раз при этом иранцы оказывались на грани катастрофы, едва не исчезая с лица земли в результате ассимиляции или открытого истребления. Они выжили. Каждое нашествие знаменовало для них резкий, явный разрыв с прошлым, переделывало их, меняло их судьбу, но становилось плодотворным. Каждое нашествие выявляло их способность к сопротивлению, стойкую приверженность их идентичности, заставляло их возрождаться, конечно, в ином виде, но с сохранением определенных позиций, образа жизни, выражения чувств и, что, возможно, самое важное – образа мысли. У народов-покорителей они, конечно, многое брали, но многое и давали им сами. Иногда возникал синтез, такой, как греко-иранское искусство, а позже греко-буддийское, о котором, впрочем, говорят намного реже. У арабов иранцы позаимствовали религию, письменность, словарь, но дали им величайших ученых, величайших философов: Абу Машара (Альбумасара, ок. 775–866), Хорезми (Аль-Хорезми, умер в 846–847), Бируни (973–1058), Ибн Сину (Авиценну, 980–1037) – иранцев, писавших по-арабски, так же как овернец Григорий Турский или голландец Эразм писали по-латыни. Иногда персы даже ассимилировали тех, кто сам хотел ассимилировать их, как, например, сельджуков или монголов, сделавших персидский язык языком своей культуры, а ислам – своей религией.

То, что они выжили, не значит, что их не потеснили, – где-то они либо исчезли, потому что их изгнали или ассимилировали, либо теперь живут под чужим владычеством. Степи Восточной Европы претерпели тюркизацию, а потом русификацию; степи Западного Туркестана стали тюркскими и отошли к Казахстану. В Согдиане иранцы, подвластные узбекам, живут только в некоторых больших городах, таких, как Самарканд или Бухара. Ирак, который не принадлежит к наследию их предков, но который они в свое время присоединили, стал по преимуществу арабоязычным. Курды восточных земель Анатолии оказались под суверенитетом Турции. Иранцы остались хозяевами только в трех государствах – собственно Иране (1648 тыс. кв. км), Афганистане (652 тыс. кв. км) и Таджикистане (143 тыс. кв. км), где целые области заселены неиранцами: в первой из этих стран – турками-азербайджанцами, во второй – монголами-хазарейцами и в последней – турками-узбеками. Но иранцы там еще есть, и тот горец, что идет мне навстречу, по-прежнему носит на голове мидийский колпак.

Иранцы уже не отличаются величию, свойственным им в древности. Можно полагать, что чем этот народ старей, тем слабей. Свое историческое поприще они начали на фоне огненного зарева, озарив Древний мир, когда Заратуштра, Кир и Дарий дали человечеству великие уроки, и этой начальной яркости иранцы уже больше не обретали никогда. Но порой они еще достигали вершин, пусть менее высоких: это были Мани и династия Сасанидов, это были ученые, писатели, поэты, Тимуридское возрождение. Сегодняшний культурный пейзаж Ирана

составляют уже разве что холмы, приятные либо мрачные на вид. Значение иранского мира и интерес к нему с течением веков неизменно падают, и по всей логике при его изучении надо уделить больше места первоначальному периоду, чем последнему. Я не стану следовать самому распространенному у историков правилу, когда количество страниц на исторический период растет по мере приближения к настоящему времени, то есть строится нечто вроде перевернутой пирамиды.

В книге «Центральная Азия» я уже говорил о восточных иранцах из Сериндии, Согдианы и Афганистана, но обойти их молчанием здесь значило бы дать неполное представление об истории и цивилизациях Ирана. Несомненно, читатель меня поймет, если здесь я не уделю им места, какого они заслуживают, и сосредоточу внимание на западных иранцах, жителях страны, которую мы все еще называем Ираном.

История любого народа, как и любого человека, представляет собой уникальную и интересную одиссею. Такова и история иранцев, но я надеюсь, что по краткому, неизбежно неполному, а порой и ненадежному рассказу, какой пишу я, будет видно, что ее уникальность выражена ярче и сама она интересней, чем у многих других народов, – конечно, благодаря древности, но еще и благодаря оригинальности, разнообразию, богатству, блеску. Используя затертые слова, можно сказать, что это по-настоящему исключительная и необыкновенная история.

Такой далекий, такой близкий Иран! Иран, изменившийся под внешним давлением, «предавший» индоевропейский мир, к которому принадлежал, чтобы, так сказать, вступить в семитский мир, от которого был так далек! Старый Иран, незыблемый при всех переодеваниях, изменился бы, даже если бы избежал катастроф и переломов, даже если бы его столь часто не покоряли, – ведь было бы странно, если бы за долгую жизнь кто-то не менялся, а его жизнь, как мы сказали, была исключительно долгой. Иран, который трогателен, когда его дети называют мам *Mader* (как мы говорим *Mater, Mother, Mutter, Mère*), а пап – *Pader* (как мы их называем *Pater, Father, Vater, Père*)! Иран, приглашающий в столь прекрасное путешествие!

Можно в завершение этого краткого предисловия привести одно личное воспоминание? Я вернулся из Ирана. Поехал отдыхать в Прованс. Как-то раз, прогуливаясь по Сен-Реми, я заметил на фронтоне «Антиков», которого раньше не видел, две крылатых фигуры, летящих навстречу друг другу. Всего недели две назад я стоял перед скульптурой Так-и Бустана. В моей памяти внезапно всплыли фигуры из Рима, Эфеса, Коньи, монастыря Алахан, из Кызыла в Синьцзяне, с китайской стелы VI в. из Шаньси, хранящейся в цюрихском музее Ритберга, и я задумался о единстве, какое при всех различиях было свойственно Древнему миру. Разве не сказал Поль Пеллиу: чтобы понять тот или иной текст святого Августина, надо дойти до Турфана?

Глава I. Иранцы и Иран

С тех пор как сформировались национальные государства, что произошло не так давно, мы даем народам названия не из этнических и не из лингвистических оснований, а из политических соображений, потому что связываем их с гражданством. Для нас француз – это житель метрополии или заморских территорий, чьи родители – коренные жители или натурализованы, он говорит на французском языке и соблюдает законы Франции, будь он нормандец, бретонец, гваделупец, корсиканец или баск. Нам не придет в голову назвать французом квебекца или брюссельца, равно как австрийца – немцем, даже если он говорит по-немецки и может притязать на германское прошлое. В современном смысле слова, Turcs² – это граждане Турецкой Республики, даже если они, как курды, говорят по-ирански, но никоим образом не узбеки, казахи, киргизы или азербайджанцы, хотя они говорят на тюркских языках и тоже турки или в большей степени турки, чем иные жители Турции. То же относится к иранцам. Сегодня это люди, которые живут в Иране, каким бы ни было их «этническое» происхождение (иранским, тюркским, армянским или арабским), каким бы ни был их язык (иранским, тюркским, армянским или арабским). Афганец, таджик из Самарканда или Бухары, курд из Дийарбакра или Мосула, осетин с Кавказа, которые говорят на языках иранской группы, иранцами не называются.

В историческом плане дело обстоит иначе. Хотя империя, персидское царство Ахеменидов, появилась в Иране очень давно, около двух с половиной тысячелетий назад, и после периодов упадка она возрождалась под другими именами: государство Аршакидов, Сасанидов, Сефевидов, Каджаров, Пахлави, в 1971 г. она торжественно отпраздновала две с половиной тысячи лет и ей на смену пришла Республика Иран, не только жителей этого государства можно называть в истории иранцами – претендовать на это название имеют полное право и многие другие народы, не всегда жившие на территории империи, такие как скифы, согдийцы, тохары и другие афганцы, хотя это название они носили не всегда и могли именоваться жителями Селевкидского, арабского, сельджукского или государства Ильханов.

Действительно, более чем половину своей долгой истории территория, образующая современный Иран, находилась под чужим владычеством – ассирийцев, эламитов или урартов в незапамятные времена, греков в древности, арабов во второй половине первого тысячелетия нашей эры, тюрков и монголов в Средние века. Бывало, при такой зависимости начиналась денационализация, культура меняла направленность, особенно в эпохи греческого и арабского верховенства, во времена, когда Иран становился эллинистической, омейядской, аббасидской, тюркской, монгольской провинцией. Но бывало и так, что он почти сразу же включал завоевателей в свой состав, иранизировал, и их вожди, турки или монголы, начинали говорить на его языке и вести иранскую политику. На обширных территориях Ирана, не обязательно связанных меж собой, независимо от того, находились ли они под иранской властью или нет, часто расцветала культура, создавались произведения искусства, проводилась политика, воплощавшая дух иранизма, способствуя его известности и распространению. Ведь маздеизм зародился не у мидийцев или персов – очень вероятно, что это произошло в практически неизвестном Хорезме. Ведь не в Иранской империи появились на свет или трудились некоторые из величайших иранских гениев, а в Газни, то есть в Афганистане, в Ургенче, то есть в том же Хорезме, в Бухаре, то есть в современном Узбекистане, часто при тюркских суверенах. Скифы развивали свое чудесное искусство звериного стиля в степях Причерноморья. Разве в Иране откажутся от величайшего поэта Фирдоуси из-за того, что он творил в Средней Азии? Разве не признают величайшего ученого Бируни, потому что он родился в Кяте, а умер в Газни? Пусть даже непре-

² По-французски Turcs – это и «тюрк», и «турок» (прим. пер.).

ходящий характер империи, глубокое убеждение современных иранцев, что предки жили на их родине тысячи лет, а они сами наследуют ее колоссальную историю, делают отождествление страны и народа более допустимым, чем в других местах, все равно такое отождествление отсекает слишком многих. Иранец – это не обязательно подданный или гражданин Ирана.

Раса?

Так можно ли говорить об иранской расе? Иранцы – это арии и, с их точки зрения, именно они прежде всего арии и есть. Их страна – все еще Ариана, Иран, а Афганистан, существующий под своим новым именем, никогда не упускает случая напомнить, что и он когда-то был Арианой, что он ей остается. Слово «арии» древнее и в древности было широко распространено, как в иранском языке, так и в санскрите, в формах *airiya* и *aria*, что означает «благородный» – целая программа! Любой иранец это знает, остро сознает, для них это повод гордиться. А если «расизм» во многом опирается на представление о мнимом превосходстве арийцев, это тем более не повод отрицать «расу». Но, как и все народы, иранцы в большой степени метисированы. Еще на заре истории они смешивались с палеоазиатами, с доиранскими азиатскими народами Иранского нагорья (касситами, гутиями, эламитами), потом, в течение веков, с бесчисленными захватчиками, проходившими через земли, где они жили, или оккупировавшими эти земли. Среди иранцев встречаются почти все человеческие типы Евразии.

В течение долгих периодов, когда иранцы не были хозяевами своей судьбы, когда они добровольно или насильно включались в состав великих цивилизаций, порой совершенно им чуждых и очень притягательных, они, конечно, развивались, но прежде всего выживали, что немало, сохраняя некоторые изначальные черты своего духа. Те, кто живет в наши времена, в большой мере имеют право утверждать, что они – потомки мидийцев или скифов.

Это не значит, что, пройдя тысячелетний путь, иранцы ничего не потеряли. После фантастической экспансии, давшей им во власть почти безграничные территории, они только и делали, что отступали. Многие регионы, которые они населяли, больше им не принадлежат, и население этих мест им не подчиняется. Иранцы уступали место тем или иным пришельцам потому, что бежали от них, а чаще всего потому, что были ассимилированы. Так они утратили евразийские степи и основную часть Средней Азии. И хотя так называемый Иранский Азербайджан на северо-западе современного Ирана остается под их суверенитетом, его население по преимуществу тюркоязычно. В начале XXI в. иранский мир может показаться ничтожно малым по сравнению с тем, каким он был. Далее мы это рассмотрим с большими подробностями.

Психология?

Претендовать на описание психологии народа – очень опрометчиво, и при таком описании легко впасть в грубую приблизительность, если не в ошибки или в шаржирование. Тем не менее некоторые черты иранского характера, не всеобщие, но отмеченные столько раз, что их наличие нельзя отрицать, существуют. Можно ли ошибиться, сказав, что иранцы – прежде всего народ поэтов? Разве мало поэтов на земле, которая породила их столько и таких прекрасных? Разве может их не быть там, где речь пересыпает старинными стихами, где так охотно читают стихи на празднествах и церемониях? Разве может их не быть там, где поэтам возводят внушительные мавзолеи, и их больше, чем мавзолеев царей и князей (только имамы, святые, имеют право на более роскошные гробницы)? Можно ли впасть в заблуждение, сочтя иранцев мечтателями, ведь мечта у них так тесно связана с поэзией, с уходом от реальности? Мы не сомневаемся, что они мечтают, когда, внешне празднично, часами курят наргиле или пьют чай. Но не просто мечта, а стремление найти незримое, божественное толкает их к мистике, к характерной глубинной религиозности, которую внешние наблюдатели иногда считают если не лицемерием, то как минимум бегством от жестких правил формальной религии. И опять-таки поэзия, мечта, желание уйти от реальности так легко делают их лжецами. «Они не могут говорить правду, даже когда им нет никакой выгоды лгать», – утверждал И.-Л. Рабино, говоря о народах Гиляна, провинции на каспийском побережье, но то же самое несомненно можно сказать о населении других мест. И однако сколько любезности в этой лжи! Иногда это учтивость в чистом виде, желание не противоречить собеседнику, ненадолго обнадеежить его, что он якобы получит то, чего на самом деле заведомо не получит, убедить, что именно в его честь сделано то, что по всей очевидности сделано не ради него! Это еще и признанный, почти официально именуемый «утаиванием» (*такийя*) способ защищаться, уходить от критики, даже от преследования, говоря обратное тому, что думаешь, изображая себя не таким, каков ты есть.

И не поэзия ли побуждает их с давних пор любить сады, тополя, цветы, особенно розы, журчание водных струй, синеву неба, которую они неутомимо воспроизводят в лазурном фаянсе, переливающиеся и предельно изысканные краски их керамики, миниатюр, ковров – самых своеобразных и древнейших произведений их искусства? Или это объясняется женственностью их натуры? Их считают женоненавистниками, потому что они прячут своих женщин под покрывалами, словно превращая их в рабынь, но они всегда уделяли женскому началу особую роль. Они очень хорошо почувствовали, что, как сказал Иоанн Павел II в «Молитвенных размышлениях», если мужчина – божественное существо, то женщина еще божественней. До какой степени женщина – душа мира, они показали в разных женских образах, от маздеистской *даэны*, которая ведет умершего в загробный мир, до удивительной «Девы Света», обнаруженной Анри Корбеном. Они окружили пылким почитанием Фатиму, дочь Пророка. Могила другой Фатимы, сестры имама Резы, в Куме они сделали одной из величайших святынь шиитского ислама. А разве их искусство не исполнено нежности, очаровательной женской чувствительности?

И тем не менее иранец претендует на мужественность. Он мужествен. Явное противоречие! Указанные противоречия ничуть его не стесняют, и он смеется, если кто-то рискует ему на них указывать, словно на самом деле ничего в нем не понимая, впрочем, вполне возможно, так оно и есть. Иранец любит пышность, внешний блеск, роскошные ткани, но его не смущает, когда он живет скудно, просто, он может быть богатым и обитать в глинобитном доме, похожем на дом бедняка. Он славит монарха, окружает его особу настоящим культом, но ничуть к нему не привязан и, не моргнув глазом, свергает его или позволяет свергнуть, поддержав другого. Этим объясняются переходы власти от мидийцев к персам, от персов к Александру, от Сасанидов к исламу или современная Исламская революция и падение шаха Мухаммада

Резы, которого как будто уважали. Иранец – патриот до мозга костей, но иногда считает бесполезным защищать родину и, как только ее завоевали, переходит на сторону новых хозяев: разве не шокирует нас ситуация, когда иранцы сотрудничали с греками, арабами, монголами, особенно с последними, оставлявшими за собой руины? Такое сотрудничество кажется позорным, но факты показывают, что оно дальновидно и прагматично, и иранец, таким образом, спасает страну. Он как будто отрекается от всего, что было для него самым дорогим, и, может быть, это лучше всего и выражает его дух. Он без особых колебаний переходит из маздеизма в ислам, но хранит в сердце немеркнущую память о доисламских героях и неустанно их воспекает. Ведь у него эпический вкус, и он без ума от великих деяний героев идеализированного прошлого. Ведь у него рыцарская душа, и он ищет приключений, красивых поступков, славы. Это пробуждает в нем некоторую гордость в противовес природному смирению, любовь к независимости, заставляющую его выходить за установленные рамки, и тогда его поведение может граничить с анархией.

Он по природе оптимист, воплощение жизнерадостности, это уже видно в маздеистской философии и заметно по живописи из оазисов Средней Азии, где знать, *дехкане* (*dihqan*), элегантно одетые, надменные, с удивительно тонкими запястьями, с нежными и изящными пальцами, столь часто изображены как участники фривольных сцен, пиров, галантных бесед, тех празднеств, какие описывали китайцы, отмечая, насколько иранская знать любила напитки, танец, песню, где как будто даже духовенство наслаждалось всеми радостями жизни в безмятежной атмосфере, пропитанной сдержанной чувственностью. Но тот же иранец публично выражает отчаяние, вспоминая о смерти имамов, бичует себя, вопит, плачет, и постоянный траур придает его шиитской религии облик страдающей церкви. Иранец, нередко отказываясь примыкать к традиционной конфессии и ссылаясь на то, что он ищет единства с Богом мистическим путем – что часто бывает искренним и глубоким желанием, но может служить и отговоркой, скрывающей отъявленный индивидуализм, камуфлировать скептицизм и даже вольнодумство, – всегда хотел приносить в религию организационный порядок. Только у него в исламе есть духовенство, включающее иерархию мулл и аятолл, и так же было, когда он был маздеистом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.